

Шершнев Сергей Сергеевич

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ),
Москва, Россия
sergiej.shershnev@gmail.com

«WIELKI WSPÓŁCZESNY PISARZ ROSYJSKI»: ЮРИЙ ТРИФОНОВ И ПОЛЬША

Ключевые слова: Трифонов, Польша, критика, рецепция.

В статье дается описание, а также проводится анализ рецепции прозы Юрия Трифонова в Польше. В подтверждение тезиса об особой роли писателя в польском литературном процессе приводятся такие аргументы, как положительные рецензии критиков на его тексты, высокое качество их переводов и большие тиражи изданий. Выделяются основные черты польского взгляда на поэтику Трифонова. Восприятие прозаика в Польше сравнивается с его восприятием в СССР.

Shershnev Sergey

Russian State University for the Humanities (RSUH),
Moscow, Russia

«WIELKI WSPÓŁCZESNY PISARZ ROSYJSKI»: YURY TRIFONOV AND POLAND

Keywords: Trifonov, Poland, critics, reception.

The aim of this paper is to give a description of the reception of Yuri Trifonov's works in Poland. The hypothesis of writer's important role in the Polish literary process support such arguments as positive reviews from literary critics on Trifonov's works, the high quality of its translations and large circulations. Main features of Polish views on Trifonov's texts are given. The reception of writer's works in Poland is compared to the Soviet Union's one.

Рецепция прозы Трифонова в Польше уже привлекала внимание исследователей. Предметом анализа данная тема становится в статье филолога В. Д. Оскоцкого, вышедшей в сборнике I Международной конференции «Мир прозы Юрия Трифонова». Однако спустя почти двадцать лет после ее выхода возникает необходимость в новом исследовании, учитывающем как современные трифоноведческие работы, появившиеся в Польше за это время, так и те, которые не были рассмотрены ранее.

Трифонов как важная фигура польского литературного процесса

Текстам советского прозаика посвятили свои рецензии такие выдающиеся польские литераторы, как Анджей Дравич, Флориан Неуважный, Рене Щликовский и другие. Критик Томаш Лубеньски называл Трифонова «великим русским писателем современности» ('*wielki współczesny pisarz rosyjski*') [Łubieński, 1986, с. 55–69]. В 1980 году славист Земовит Федецки перевел наиболее известную повесть Трифонова «Дом на набережной». Этот перевод стал лучшим за год по версии польского журнала «Зарубежная литература» ('*Literatura na świecie*') [Siarkiewicz, 2015, с. 8]. В позднесоциалистической Польше тиражи книг Трифонова были достаточно высоки. Рекордным стало второе издание повести «Обмен» 1979 года, вышедшее в 130 тысячах экземпляров [Siarkiewicz, 2015, s. 8]. Примечательно, что к польскому изданию «Дома на набережной» прозаиком было написано специальное предисловие. Перечисленные факты могут рассматриваться как свидетельство того, что Юрий Трифонов был одной из самых значимых фигур литературного процесса не только СССР «постоттепельного» периода, но и Польской Народной Республики.

Рецепция в академической среде

В 1974 в Польше свет увидела магистерская работа, в которой впервые анализировались повести Трифонова — «Обмен», «Предварительные итоги» и «Долгое прощание». В 1995 году Эвой Никадем-Малиновской была написана первая в Польской Народной Республике докторская диссертация, посвященная наследию писателя, под названием «Концепция времени в творчестве Юрия Трифонова». «Время, — пишет исследовательница, — было для него (Трифопова. — С. Ш.) и целью и средством: целью познания сущности бытия и средством познания действительности» [Nikadem-Malinowska, 1995, s. 9]. В 2015 году в Институте русистики Варшавского университета появилась еще одна трифоноведческая диссертация авторства Павла Щаркевича. Она носит название «Образ русской интеллигенции в “московских повестях” Юрия Трифонова». Автор работы не только исследует общий для русской и польской культур феномен интеллигенции в прозе писателя, но и предпринимает попытку типологизировать героев его «московского цикла». Важной задачей для филолога становится определение особенностей нарративных

стратегий, которые в нем используются. Отдельными вопросами поэтики Трифонова занимались Уршула Трояновска и Януш Щвежи. Последний в своей статье «Разрывание могил» сопоставляет жизнь и идеи героя повести Трифонова «Другая жизнь» с мировоззрением русского мыслителя XIX века Николаем Фёдоровым [Świeży, 2013, s. 42–65]. Это находит параллель с многими исследованиями, посвященными историософским концептам в текстах прозаика — автора нескольких исторических романов. В работе «Архетип дома в русской литературе 20-го века: Лидия Чуковская, Трифонов Приставкин» Трояновска констатирует «экзистенциальную бездомность» трифоновских героев [Trojanowska, 2008, s. 151].

Трифоноведение в сравнительной перспективе

По мнению Шлизовского, «московские повести» можно сопоставить с польским «кино морального беспокойства», в частности, с фильмами Кшиштофа Занусси [Śliwowski, 1979, s. 16]. Два этих культурных феномена, появившиеся почти одновременно (примерно в 1970-е гг.), действительно имеют много общего. В фокусе внимания Трифонова и польского режиссера — внутренние коллизии городской интеллигенции. Как и для Трифонова, для представителя «кино морального беспокойства» характерны бесстрастное повествование, внимание к деталям и нравственной проблематике. По замечанию отечественного «кинополониста» Т.Н.Елисейевой, для Занусси «современный мир — территория моральных конфликтов и этических дилемм» [Елисейева, 2002, с. 66]. То же можно сказать и о Трифонове. Коллизия, которая возникает в результате столкновения идеалистического и прагматического взглядов на мир, лежит в основе произведений обоих художников: у Занусси, к примеру, в фильме «Защитные цвета», у Трифонова — в повести «Обмен». У этих «текстов» единый итог: наивно-романтическое мировоззрение терпит поражение.

Представляется, польская критика, как и польское трифоноведение, нередко использует клише, созданные в Советском Союзе. Однако, если, к примеру, на родине Трифонова упрекали в тенденции к «бытописательству», то в Польше это считали достоинством его прозы. По мнению Эдварда Павяка, «бытописательство» происходит из традиции русской литературы с ее тяготением к достоверному описанию, глубокому проникновению в характеры. Быт становится квинтэссенцией человеческой жизни [Pawiak, 1980, s. 258–259]. Польские исследователи, вслед за советскими, а за-

тем и российскими, находят множество параллелей между поэтикой Трифонова и Чехова. Те же внимание к детали, конкретика повседневной жизни, ненавязывание своей позиции, отсутствие осуждения героев.

Можно сделать следующие выводы. Польская критика и польское трифоноведение во многом зависимы от советско-российских концепций и подходов, что не должно вызывать удивления, поскольку Трифонов является русским писателем и поэтому наиболее полно изучен русскоязычными специалистами. Однако, в то же время, польский взгляд достаточно полемичен по отношению к советско-российскому. Польские русисты, в отличие от своих восточных коллег, не склонны считать, что качественная литература может возникнуть только при благоприятных политических условиях, в условиях свободы и отсутствия цензуры. Кроме того, они не соглашались с представлением о литературе «семидесятников» как о «промежуточной» и реже дают пренебрежительные оценки творчеству Трифонова (подобная тенденция имела место в России в 1990-е годы). Достаточно часто польские исследователи предлагают собственные, оригинальные идеи и видение текстов прозаика. К ним относится, среди прочего, сравнение трифоновских повестей с отдельными течениям кинематографа. По мнению Оскоцкого, польское литературоведение и критика «со знанием дела, концептуально и аналитически воссоздают доподлинную историю русской литературы второй половины XX века и место в ней Юрия Трифонова» [Оскоцкий, 2000, с. 67].

Несмотря на довольно обширный корпус как критических, так и научных работ, посвященных прозе Трифонова, исследователи констатируют, что сегодня интерес к писателю существует только в специальных кругах. Так же ситуация обстоит в современной России. По мнению Щаркевича, непопулярность Трифонова в постсоциалистической Польше объясняется, во-первых, неприятием в этой стране «всего советского» и, во-вторых, кардинальным изменениям социально-экономического характера, в результате которых многие трифоновские темы, конфликты и ситуации утратили свою актуальность [Siarkiewicz, 2015, s. 11].

ЛИТЕРАТУРА

- Елисеева, 2002 — *Елисеева Т. Н.* Кшиштоф Занусси // Режиссерская энциклопедия. Кино Европы. М., 2002. С. 66–67.
- Оскоцкий, 2000 — *Оскоцкий В. О.* Юрий Трифонов в Польше (К проблеме ин-

- терпретаций) // Мир прозы Юрия Трифонова. Екатеринбург, 2000. С. 67–81.
- Łubieński, 1968 — *Łubieński T.* Człowiek to brzmi skromnie. O twórczości Jurija Trifonowa // *Bohaterowie naszych czasów*. Londyn, 1986. S. 55–69.
- Malinowska, 1995 — *Malinowska E.* Koncepcja czasu w twórczości Jurija Trifonowa. Olsztyn, 1995. 126 s.
- Pawiak, 1980 — *Pawiak E.* Pamięć i trwanie. Szkice o współczesnej literaturze radzieckiej. Warszawa, 1980. 319 s.
- Siarkiewicz, 2015 — *Siarkiewicz P.* Obraz inteligencji rosyjskiej w «opowieściach moskiewskich» Jurija Trifonowa. Warszawa, 2015. 176 s.
- Śliwowski, 1979 — *Śliwowski R.* Zapis świata // *Życie literackie*. №44 (1979). S. 15–19.
- Świeży, 2013 — *Świeży J.* «Разрывание могил». Преломление идей Николая Федорова в повести Юрия Трифонова «Другая жизнь» // *Przegląd Rusycystyczny*. №1 (2013). S. 42–65.
- Trojanowska, 2008 — *Trojanowska U.* Archetyp domu w XX wiecznej literaturze rosyjskiej: Lidia Czukowska, Jurij Trifonow, Anatolij Pristawkin. Kraków, 2008. S. 151–194.